

Моника Кнуровска
Педагогический университет, Краков

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКЛЕКТИЗМ В ПРОЗЕ ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ

Довольно заметную роль в прозе Людмилы Улицкой играет религия, причем способ функционирования этого пласта в художественном мире писательницы можно определить как своеобразный религиозный эклектизм. Вся сложность и одновременно оригинальность этого явления состоит в том, что Улицкая создает свой вариант религии, пытаясь собрать элементы разных религиозных систем и культур (в особенности христианства и иудаизма) в некое единство. Пространство своих литературных и духовных поисков писательница определяет именно понятием «иудео-христианской культуры»¹. Сама же Улицкая (русско-еврейского происхождения) считает себя представительницей двух религиозных традиций: иудейской и православной, и для нее это обозначает «способность увидеть мир не с одной точки зрения, а с двух»². В рассказе *Мой любимый араб*, имеющем явно биографическую подоплеку, писательница дает характеристику своей жизненной позиции, могущую служить ключом к пониманию вопроса: «[...] я — лицо нерепрезентативное, и не могу представлять никого, кроме лично себя, потому что я по культуре — русская, по крови — еврейка, а по вероисповеданию — христианка»³.

Христианская символика проявляется в поведении и действиях некоторых героев Улицкой, в отношениях между ними и, прежде всего, в типе героя. Критики и литературоведы (например, Анна Цуркан) подчеркивают связь образов героев писательницы с традицией «рус-

¹ *Одиннадцать бесед о современной русской прозе*. Интервью Кристины Роткирх с российскими писателями. Ред. А. Юнгрен и К. Роткирх. Москва: «Новое литературное обозрение» 2008, с. 124.

² Там же.

³ Л. Улицкая: *Мой любимый араб*. В кн.: ее же: *Люди нашего царя*. Москва: Эксмо 2006, с. 269.

ской классической христианизированной литературы — сочувственное возвышение маленького человека, тип юродивого или праведного чудака (Николай Гоголь, Николай Лесков, Лев Толстой, Федор Достоевский)⁴. «Маленькие» и «лишние» (это определение дал Дмитрий Бавильский⁵) люди у Улицкой — в большинстве своем женщины, дети, старики, больные, калеки, бедные, а также представители разных культур и национальностей, составляющих советское общество (прежде всего русские, евреи, а также поляки, узбеки, грузины, армяне и другие). Христианская перспектива видения мира и человека в прозе писательницы, несомненно, имеет свои корни в традиции русской классической литературы. Об этом свидетельствуют хотя бы названия сборников рассказов Улицкой: *Бедные родственники* (1994), *Первые и последние* (2002) или *Люди нашего царя* (2005). Связь с традицией в последнем из названных сборников видна уже в эпиграфе, в качестве которого взяты слова Николая Лескова: «Каких только людей нет у нашего царя!». Здесь под царем подразумевается Бог как автор и мастер — создатель мира. Мысль о Боге связана в сознании героев с ответственностью за свои поступки, с признанием существования провидения, влияющего на ход событий в человеческой жизни. Так, например, героиня рассказа *За что и для чего*, потерявшая в результате аварии ногу, задумывается над вопросом: зачем мне это? И находит ответ: «я всю жизнь слишком много бегала да прыгала, а теперь вот мне сказали: посиди и подумай...»⁶.

Значение христианской аксиологии в художественном мире Улицкой очевидно. Логика поведения части ее персонажей опирается на смирение, благодарность за жизнь и осознание своего в ней места: «Господь поставил, там и стой!»⁷ — убеждает героиня рассказа *Народ избранный* Катя — калека и нищенка, которая считает, что настоящий нищий «Божий человек, Господу служит»⁸. Кстати, эту мысль подтверждают слова Евангелия: «Так будут последние первыми, и первые последними, ибо много званых, а мало избранных» (Мф. 20, 1–16). Некоторые герои Улицкой живут по христианскому завету любви к ближнему, согласно которому только по отношению к другому человеку можно измерить собственную ценность. Писательница даже как-то сказала:

⁴ А Цуркан: *Единство в многообразии или народ избранный*. «Старое литературное обозрение» 2001, № 2(278) <<http://magazines.russ.ru/slo/2001/2/curk.html>> (23.01.2013).

⁵ Д. Бавильский: *Небо в алмазах Людмилы Улицкой*. «Взгляд» 2005, 20 сентября <<http://www.vz.ru/columns/2005/9/20/7397.html>> (23.01.2013).

⁶ Л. Улицкая: *За что и для чего*. В кн.: ее же: *Люди нашего...*, с. 258.

⁷ Л. Улицкая: *Народ избранный*. В кн.: ее же: *Бедные родственники*. Москва: Эксмо 2007, с. 252.

⁸ Там же.

«Если ты ведешь себя по отношению к другим людям так, что не заставляешь их страдать, то это всего лишь вопрос твоих взаимоотношений с Богом»⁹. Кроме любви, Улицкая большое значение придает милосердию, сочувствию, без которых для нее невозможно христианство. В христианской религии и философии сострадание имеет очень глубокий смысл, является критерием христианской любви. Христос иногда ставит сострадание даже выше любви. Милосердие, как учит Евангелие, — условие спасения человека: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5,7). Сострадательная любовь к другому человеку, к «маленькому» человеку в особенности, есть то правило, которое регулирует отношения между героями в художественной мире Улицкой, и на основе которого строится повествователем моральная оценка персонажа. Вся симпатия автора и рассказчика в произведениях писательницы на стороне героев способных «мыслить сердцем», вчувствоваться в положение другого человека. В большинстве случаев на поведение и поступки персонажей Улицкой влияют фигура и учение Иисуса Христа, иерархия ценностей, которую он привнес в историю человечества — жертвенность и умение страдать.

Религиозная сторона прозы писательницы не исчерпывается введением системы духовных ценностей христианства. В изобилии вводятся ветхозаветные и новозаветные библейские мотивы, христианская и иудео-христианская символика. Улицкая использует библейский мотив «враждующих» близнецов (Каин и Авель, Исав и Иаков) в рассказах *Чужие дети* и *Подкидыш* (из сборника *Девочки*). В последнем из названных рассказов мотив Исав и Иакова переплетается с научным подходом к проблеме влияния раннего детства на взрослую жизнь человека (эта тема разрабатывается во всех рассказах сборника):

Теперешняя наука утверждает, что эмоциональная жизнь человека начинается еще во внутриутробном существовании, и весьма древние источники тоже косвенным образом на это указывают: сыновья Ревекки, как говорит Книга Бытия, еще в материнской утробе стали биться. Никто и никогда не узнает, в какой именно — пренатальной или постнатальной жизни — Виктория впервые испытала раздражение к своей сестре Гаяне¹⁰.

В рассказе сохраняется сюжет, заложенный в миф: ревнивая младшая из сестер хочет вытеснить старшую, «присвоить ее имя, подменить ее собой и отвоевать таким образом право на первородство

⁹ Е. Некрасова: *Казус Улицкой*. Интервью с Улицкой <<http://www.spbjournal.ru/culture/96.html>> (12.04.2011).

¹⁰ Л. Улицкая: *Подкидыш*. В кн.: *ее же: Девочки*. Москва: Эксмо 2007, с. 76.

и лидерство»¹¹. Библейское в прозе Улицкой проявляет себя на образно-символическом уровне: появляется мотив Ангела-письмоносца, обходящего дома детей избранного народа (*Генеле-сумочница*), мотив ребенка в рассказе *Счастливые*, который, как библейский Исаак, родился, когда его родители были уже в преклонном возрасте. Кстати, герои рассказа, Берта и Матиас, даже намереваются назвать сына Исааком. В сборнике *Люди нашего царя* возникает фигура Ангела-хранителя как доброго духа, данного человеку Богом при крещении для помощи и руководства. Кроме того, встречаются многочисленные детали, отсылающие к религии — например, хотя бы подбор имен: Самуил, Аарон, Бенъямин, образ радуги, символизирующей связь между небом и землей, дорогу в небо после смерти (*...И умерли в один день*). В произведениях Улицкой на равных правах с ветхозаветными существуют отдельные символы христианства, например, образ агнца, ягненка; символическое изображение Иисуса Христа, младенец, Мария и ее старый муж, пастух и рождественская звезда (*Путь осла*), мотив Иоанна Воина и Марии Магдалины (*Певчая Мама*) и т.д. Следует подчеркнуть, что писательницу не интересуют догматические различия между иудаизмом и христианством. Она пытается найти то общее, что объединяет людей, независимо от их вероисповедания. Суть религиозного эклектизма Улицкой состоит в том, что она из мозаики элементов разных религиозных традиций, вероисповеданий и этических норм пытается создать некую универсальную иерархию нравственных ценностей, которые каждый человек должен соблюдать в повседневной жизни.

Наиболее яркие примеры религиозного эклектизма в прозе Улицкой обнаруживаются в портретах героев. Для персонажей писательницы верность одной конфессии чаще всего не является обязательной. В ее произведениях можно встретить евреев, которые обращаются в православие, и православных, обращающихся в католицизм или иудаизм. Причем, самое интересное состоит в том, что правила «новоприобретенной» религии каким-то причудливым образом соединяются с принципами предыдущей. Есть герои, теряющие религиозную самоидентификацию и все пытающиеся ее найти, есть ищущие правду и добро, Бога вне определенной конфессии, есть атеисты, исповедующие «религию порядочного человека».

Свою «личную» религию, в центре которой находится обряд, воспринятый от родителей, предков, давно уже потерявший сугубо религиоз-

¹¹ Т. Казарина: *Рецензия на сборник Л. Улицкой*. «Русский феминистский журнал» 1996, № 4 <http://www.a-z.ru/women_cd1/html/preobrazh_4_1996_e.htm> (12.04.2011).

ный смысл, создает героиня рассказа *Генеле-сумочница*. Эта старушка — еврейка, живущая в глубокой нищете; целый год расчетливо, не допуская потерь, бережет деньги, чтобы раз в год на Пасху устроить настоящий праздник. Сутью праздника становится превратившаяся с годами в ритуал покупка курицы. Для Генеле, которая отмечает Пасху не в церкви, а среди родственников, покупка курицы приобретает смысл религиозной практики: «Вся сложная вера предков, многочисленные ограничения и запреты, потерявшие за тысячелетия их некогда рациональный смысл, была связана у Генеле с этой безмозглой чистенькой птицей, олицетворяющей собой пасхального агнца [...]»¹². В свою очередь, правила религии Сонечки, героини одноименной повести, переплетаются с повседневной стиркой и заботами о домашнем хозяйстве:

[...] приютить сироту это была «мицва», доброе дело, а для Сони, с течением лет все отчетливей слышавшей в себе еврейское начало, это было одновременно и радостью, и приятным исполнением долга. В ней просыпалась память о субботе, и тянуло к упорядоченно-ритуальной жизни предков [...] и она вкладывала весь свой непознано-религиозный пыл в кухонную возню с мясом, луком и морковью, в жестко-белые салфетки, во всеустройство стола¹³.

Рассказчик немного подшучивает над героиней, для которой религия, как и Библия, «состояла из трех разделов. Только вместо Торы, Небиим и Кебутим это было Первое, Второе и Третье [блюдо]»¹⁴.

Сонечку, как, впрочем, и других героев Улицкой, редко можно встретить в церкви; они принимают участие в свадебных или похоронных обрядах или отмечают главные христианские праздники: Пасху и Рождество. Чаще всего они обращаются к Богу непосредственно, в мыслях, и это обращение напоминает молитву. Так, Соня в самые важные моменты своей жизни устремляет взор в небо и обращается с просьбой к Богу; например, когда хочет родить дочку: «Господи, если можно, девочку... — если можно, беленькую»¹⁵, или с благодарностью: «Господи, господи, за что же мне такое счастье...»¹⁶, «Господи, господи, за что же мне все это...»¹⁷, или с упреком: «[...] а Сонечка все не могла выпустить из своего сердца сочувствия: сирота, бедная девочка, детдом... Господи, ну как же так можно...»¹⁸. Существует еще один элемент

¹² Л. Улицкая: *Генеле-сумочница*. В кн.: ее же: *Бедные...*, с. 100.

¹³ Л. Улицкая: *Сонечка*. Москва: Эксмо 2007, с. 112.

¹⁴ Там же, с. 114.

¹⁵ Там же, с. 40.

¹⁶ Там же, с. 58.

¹⁷ Там же, с. 68.

¹⁸ Там же, с. 111.

сложной Сонечкиной религии: русская литература. Героиня всю жизнь запоем читает книги. Мы узнаем, что «целых двадцать лет, с семи до двадцати семи, Сонечка читала без перерыва. Она впадала в чтение, как в обморок, оканчивавшийся с последней страницей книги»¹⁹. Потом чтение прекращается, Соня выходит замуж и живет счастливой семейной жизнью. Когда прекращается счастье, чтение возобновляется. Можно сказать, что жизнь героини начинается и заканчивается чтением. Улицкая создает здесь портрет героини, для которой «книга — религия»²⁰. Чтение становится для Сони единственным способом ухода от реальности советского времени; заменяет ей саму жизнь. Произведения великой русской литературы обогащают душу высокими нравственными идеалами, показывают благородные отношения между людьми, все то, чего не хватает в настоящей жизни. Верным кажется замечание Кристины Парнель, что «в своей заботливости о других Сонечка живет по милосердному слову русской литературы как и по христианскому завету любви к ближнему [...]»²¹.

Говоря о теме религиозного в творчестве Улицкой, еще раз надо подчеркнуть, что писательницу не интересуют религиозные догматы и различия между конфессиями. Религиозные правила для нее ценны не сами по себе, а в приложении к практике жизни:

[...] меня совершенно перестало занимать догматическое богословие. Меня не интересует Троица, непорочное зачатие, даже кардинальное положение, был ли Спаситель истинно Богом, или Сыном Бога, или великим учителем и пророком... Меня интересует только поведение. Как ведет себя человек по отношению к ближним²².

Это своеобразное исповедание веры находит отражение в ее произведениях. В последнем разделе сборника *Люди нашего царя*, состоящем из философских миниатюр, находится диалог-исповедь удивительно похожий по заложенному смыслу на приведенные слова: «Падре! Я больше не интересуюсь никакими духовными вопросами, исключительно поведением. — Так это же самое главное! — воскликнул падре»²³.

¹⁹ Там же, с. 8.

²⁰ А. Стародубец: *Богатую оттенками русскую речь заменил мат*. Интервью с Улицкой. <<http://www.ug.ru/issues07/action=print&toid=3963>> (12.04.2011).

²¹ К. Парнель: *К вопросу о «другом» в женской прозе*. В кн.: *Książki nieznanne, książki zapomniane...* Ред. В. Stempczyńska. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego 1999, с. 142.

²² *Одиннадцать бесед...*, с. 124.

²³ Л. Улицкая: *Последнее*. В кн.: ее же: *Люди нашего...*, с. 364.

Даниэль Штайн (главный герой романа *Даниэль Штайн, переводчик*), еврей из Польши, который крестился, стал католическим священником и пытался примирить иудаизм и христианство, вследствие глубоких духовных поисков приходит к выводу, что церковные догматы и обряды имеют второстепенную роль и чаще всего являются источником идеологических конфликтов, которые разделяют людей религиозными перегородами. Штайн ищет то общее, что соединяет людей, поэтому он утверждает простую правду: «веруйте как хотите, это ваше личное дело, но заповеди соблюдайте, ведите себя достойно»²⁴. Кстати, писательница рисует оригинальный образ священника также в рассказе *Путь осла*, где один из героев — монах «весьма причудливых верований», о котором говорится, что он склонен к православию, но не пользуется благосклонностью церковного начальства, «его никогда не приглашают в соседние храмы и он служит мессу изредка только в игрушечной часовне — для Господа Бога и своей матери»²⁵. Люди на его мессу не ходят, считая ее «неправильной». И Штайн и монах служат литургию, не соблюдая правил и обрядов, строго определенных обычаем.

В повести *Искусство жить*, среди прочего, повествуется о процессе религиозной самоидентификации одной из героинь. Рассказчик с присущей ему легкой иронией описывает духовные поиски героини и решительность, которая сопровождает попытку усвоить положения новой религии. Галина Иванова в молодости была «православная, с серебряным крестиком на цепочке»²⁶. После смерти мужа она ушла к йогам, а потом, по очереди к кришнаитам, буддистам и сайентологам, чтобы в пятьдесят лет сделать резкий поворот и обратиться в иудаизм. За переменной конфессии следует смена имени. Прежняя Галя становится Хавой. Героиня подчеркивает мистический смысл своего нового имени: Хава — это имя «праматери, первой женщины, и корень этого имени связан со словом “хаим”, что значит “жизнь”»²⁷. Имя отсылает к источникам, основе человеческого бытия. К тому же, героиня изучает иврит, чтобы читать Библию на языке евреев.

Об этом явлении духовных поисков и, прежде всего, о поиске смысла жизни рассказывает цикл документальных фильмов *Жапа* (Россия 2011), снятый Александром Архангельским. В фильме, рассказывающем о духовных поисках и неофициальной религиозной жизни в 60–80-е годы XX века, принимают участие Людмила Улицкая, Ольга Седакова,

²⁴ Л. Улицкая: *Даниэль Штайн, переводчик*. Москва: Эксмо 2006, с. 498.

²⁵ Л. Улицкая: *Путь осла*. В кн.: ее же: *Люди нашего...*, с. 14.

²⁶ Л. Улицкая: *Искусство жить*. В кн.: ее же: *Сквозная линия*. Москва: Эксмо 2004, с. 219.

²⁷ Там же, с. 218.

протоереи Кирилл Каледа и Николай Ведерников, Евгений Пастернак, Геннадий Попов, Павел Мень, публицисты, философы, литературоведы и другие. Среди прочего, в фильме повествуется о том, как в 1972 году доктор геологических наук, руководитель общесоюзных торфяных разработок Глеб Александрович Каледа стал тайным священником и на протяжении почти двадцати лет, не порывая с наукой, служил литургию. В советских учреждениях работали тайные монахи, люди собирались в подпольные религиозные кружки и искали проводников, пастырей. Сама же Улицкая принадлежала к кругу технической интеллигенции и студентов, собиравшихся вокруг Александра Меня, подмосковного священника, духовно связанного с церковными катакомбами 1930-х годов. Герои фильма рассказывают о людях, которые шли к вере через науку, литературу, даже через интерес к восточным культурам и изучение традиций. Интеллигенты приходили к исторической церкви, наполненной огромным культурным содержанием. Каждый шел своим путем. Воцерковление было очень интимным, очень внутренним делом. Люди изучали языки Библии, чтобы приблизиться к источникам веры. Улицкая говорит в фильме об энтузиазме, которым было пропитано «катакомбное христианство» отца Меня. Кстати, Александра Меня писательница считает человеком, который изменил общественное сознание послесталинского времени.

С духовными поисками в произведениях Улицкой неразрывно связана этика поведения. Нравственные и этические проблемы в плане межличностных отношений волнуют писательницу с самого начала творческого пути. Улицкая постоянно и неизменно делает акцент на достойное и честное поведение, уважение к другому человеку. Это моральный минимум, который писательница требует от своего героя. Она уверена, что «в каждом человеке, вне зависимости от его вероисповедания или невероисповедания, есть какие-то нравственные законы, которые он ощущает в себе и которых ему никто не объясняет»²⁸ и что «в любых обстоятельствах нужно прилично себя вести»²⁹. Самым важным, из чего исходит все остальное, писательница считает золотое правило этики: «не причиняй другому того, что бы ты не хотел, чтобы он причинял тебе»³⁰. Причем, Улицкая очень ценит в своих персонажах все индивидуальное; для нее важна личная мораль героя, собственные духовные поиски. Во время одной из бесед писательница сказала, что

²⁸ А. Осипов: *От этого можно сойти с ума, а Израиль живет*. Интервью с Улицкой. <http://www.allrunews.ru/dosug/news_2007-11-25> (12.04.2011).

²⁹ Там же.

³⁰ Ю. Безбородов: *Более актуальной темы сейчас я не вижу*. Интервью с Улицкой. <<http://www.vz.ru/culture/2006//11/6/55866.html>> (12.04.2011).

она дорожит «этими маленькими законами, по которым сам человек живет, которые он сам выдвигает»³¹. Улицкая именно это явление называет «религией порядочного человека»³². Индивидуальная система нравственных ценностей в применении к практике жизни, поведение человека в конкретной ситуации и по отношению к другим людям имеют наивысшую ценность в художественном мире писательницы.

Улицкая выстраивает определенную концепцию человека и бытия, в которой преобладает желание вернуть в литературу ее этическое измерение. Религиозный эклектизм становится особой формой осознания мира и человека и способом сделать акцент на универсальность и единство норм, спланивающих людей. Писательница на самом деле говорит о значении системы моральных норм в жизни людей и общества, тем более, что действие большинства ее произведений происходит в безбожные 1960–1980 годы. Религиозный эклектизм подчеркивает сложность мучительного процесса поиска смысла жизни и одновременно его вневременность.

Monika Knurowska

ЕКЛЕКТЫЗМ РЕЛИГИЙНЫ В ПРОЗЕ ЛУДМИЛЫ УЛИЦКОЙ

Streszczenie

Jedną z charakterystycznych cech prozy Ludmiły Ulickiej jest eklektyzm religijny. Jego istota polega na tym, że pisarka próbuje z elementów różnych tradycji religijnych (w szczególności chrześcijaństwa i judaizmu) i norm etycznych stworzyć pewną uniwersalną hierarchię wartości moralnych, obowiązujących w relacjach międzyludzkich.

Ulicka, kreśląc portrety bohaterów poszukujących tożsamości religijnej i sensu życia, tworzy określoną koncepcję człowieka, w której kładzie nacisk na duchowy wymiar jego egzystencji, a jednocześnie na wagę i znaczenie norm etycznych i religijnych w literaturze.

Monika Knurowska

RELIGIOUS ECLECTICISM IN THE PROSE OF LUDMILA ULITSKAYA

Summary

One of the unique features of Ludmila Ulitskaya's prose is religious eclecticism. Its essence lies in the author's aspiration to create a certain universal hierarchy of moral values and

³¹ М. Седых: *Младшая шестидесятница*. Интервью с Улицкой <<http://www.sem.40.ru/famous2/m956.shtml>> (23.01.2013)

³² Там же.

ethical standards, governing interhuman relationships, from elements of various religious traditions (Christianity and Judaism in particular).

Sketching the portraits of her protagonists in search of their religious identity and sense of life, Ulitskaya creates a specific concept of man wherein she puts emphasis on the spiritual dimension of human existence and, at the same time, stresses the importance and significance of ethical and religious standards in literature.